
АНГЕЛ ПОХОРОНИТЕЛЬ
Максим Владимирович

Максим Байков

Ангел-похоронитель

«Автор»
2026

Байков М. В.

Ангел-похоронитель / М. В. Байков — «Автор», 2026

Максим и Кирилл — братья-близнецы, выросшие под одной крышей, но увидевшие мир с двух разных сторон. Один верит в формулы, расчёты и строгую логику. Другой — в краски, тишину и то, что нельзя измерить, но можно почувствовать.С годами их дороги расходятся всё дальше. Максим уходит в науку, Кирилл — в храм и горы, к ответам, которые не найти в учебниках. Между ними вырастает стена из взаимного непонимания и обид. Одна ссора перечёркивает всё, что связывало их с детства.А потом происходит то, чего нельзя было предвидеть. И Максим — человек, для которого реальность — это то, что можно доказать, — сталкивается с чем-то, что не поддаётся ни одному из его законов.История о том, как два взгляда на мир пытаются найти точку пересечения. О пропасти между разумом и верой. И о том, кто стоит на краю этой пропасти — с дневником, двумя ложками сахара в чае и терпением, которому конца не видно.

© Байков М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вступление 5
От автора 6
Глава 1. Братья. 7
Глава 2. Школа. 8
Глава 3. Игра. 9
Глава 4. Занятия. 10
Глава 5. Рисование. 11
Глава 6. Арифметика. 12
Глава 7. Теплый ужин. 13
Глава 8. 9 классов. 14
Глава 9. Начало инженера. 16
Глава 10. Творчество. 18
Глава 11. Медитация. 19
Глава 12. Вклад. 21
Глава 13. Души. 22
Глава 14. Графика углем. 24
Глава 15. Изучать. 26
Глава 16. Бакалавриат. 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Максим Байков
Ангел-похоронитель

Вступление

Перед вами – история, рожденная в глубинах фантазии. Миры, где переплетаются реальность и метафизика, где сталкиваются убеждения и рождаются новые истины. Эта книга – художественное произведение, и как таковое, она стремится исследовать человеческий опыт, затрагивая темы, которые волнуют многих: веру, науку, отношения и поиск смысла.

Я искренне надеюсь, что мое произведение будет воспринято с открытым сердцем. Я не стремлюсь к тому, чтобы кого-либо обидеть или бросить вызов чьим-либо глубоким убеждениям. Персонажи и их истории – это вымысел, а любая схожесть с реальными событиями или людьми является чистым совпадением. Моя цель – лишь рассказать интересную историю и побудить к размышлениям.

От автора

Идея “Ангел Похоронитель” родилась в тот момент, когда я впервые услышал песню Дарьи Виардо с одноименным названием. Её мелодия и текст настолько запали мне в душу, что подтолкнули к размышлениям о том, что может скрываться за этим образом. Эта книга – мой собственный взгляд на эту тему, мое художественное переосмысление.

Глава 1. Братья.

Утро было пропитано запахом скошенной травы и нагретого солнцем дерева. На старом чердаке их дачного дома, где пылинки танцевали в косых лучах света, было душно, но два брата этого не замечали.

Максим Линевый, серьезно нахмурившись, прикладывал угольник к деревянной рейке. Он строил модель моста — сложную, выверенную конструкцию, где каждый брусок должен был идеально прилегать к другому. Его пальцы, испачканные в карандашном графите, двигались точно и скупо.

— Макс, ну ты чего такой серьезный? — Кирилл Линевый сидел в метре от него, скрестив ноги. Он был окружен банками с краской, которые пахли резче, чем свежая древесина. В руках он крутил тонкую кисть. — Это же просто игрушка, а не чертеж моста через океан.

Максим не поднял головы. — Если делать — то правильно. Устойчивость — это основа. Если центр тяжести будет смещен, вся конструкция рухнет при первом же порыве ветра.

Кирилл рассмеялся — легко, звонко, как будто в его голосе звенели колокольчики. Он макнул кисть в ярко-синюю краску и провел жирную линию прямо по безупречно выверенной опоре, которую только что закрепил Максим.

— Эй! — Максим дернулся, едва не уронив линейку. — Ты зачем это сделал? Я же вымерял все до миллиметра!

— Я добавил жизни, — невозмутимо ответил Кирилл, любуясь своим мазком. — Твой мост был идеальным, но скучным. Как будто его построили роботы. А теперь он похож на тот, что ведет в город из снов. Смотри, синий — это цвет неба, который отражается в реке.

Максим посмотрел на брата. Кирилл выглядел счастливым: нос в краске, на щеке пятно охры, глаза сияют каким-то странным восторгом. Максим вздохнул, стараясь подавить раздражение, но внутри что-то дрогнуло. Он никогда не умел видеть небо в обычных вещах, зато умел видеть надежность.

— Роботы не ошибаются, — буркнул Максим, хотя тон его стал мягче. — Но ладно. Давай сюда свою синюю краску. Может, она не так уж плохо смотрится на опорах.

Они просидели до обеда. Максим рассчитывал углы наклона, прикидывал, какую нагрузку выдержат опоры, а Кирилл расписывал мост узорами, которые, по его словам, должны были «оберегать путников».

— Знаешь, — Кирилл вдруг отложил кисть и посмотрел в маленькое чердачное окно, откуда была видна далекая гора, окутанная легкой дымкой. — Я думаю, что все мы — как этот мост. Мы стоим на чем-то, что нельзя потрогать, и тянемся к тому, чего еще не видим. А ангелы… они просто смотрят, чтобы мы не сорвались в пустоту.

Максим усмехнулся, вбивая последний крошечный гвоздь. — Ангелы — это математическая погрешность, Кир. Вероятность того, что кто-то невидимый держит тебя за руку, стремится к нулю. Всё держится на физике и здравом смысле.

— Ну, тогда я буду верить в погрешность, — подмигнул Кирилл.

Они вынесли готовую модель на улицу и поставили на стол под старой яблоней. Солнце облило их мост теплым светом, и он действительно выглядел так, будто вот-вот перенесется в другой, более светлый мир. Максим смотрел на конструкцию с гордостью инженера, а Кирилл — с любовью творца.

В тот день им казалось, что эта связь — прочная, как бетон, и возвышенная, как искусство — будет длиться вечно.

Глава 2. Школа.

Школа была для Линевых общим пространством, которое они делили, как старый чердак дачного дома. Учились они в одном классе — универсальном, где за одной партой сидели будущие гуманитарии и те, кто грезил техническими факультетами.

Максим, с его вечно полным рюкзаком учебников по физике и справочников по алгебре, был для одноклассников чем-то вроде «живого калькулятора». Кирилл же, который предпочитал литературу и рисование, слыл местным мечтателем. Несмотря на разность интересов, их объединяла одна компания — четверо друзей, с которыми они проводили все перемены.

В столовой, за шумным столом, их различия проявлялись особенно ярко.

— Ты опять решил доказать теорему, которую в учебнике даже не дали? — спросил один из друзей, кивнув на исписанную мелкими цифрами салфетку перед Максимом.

Максим даже не поднял головы, методично разворачивая бутерброд: — Это не доказательство, это оптимизация процесса. Если мы сократим путь через парк, мы будем приходить на тренировку на семь минут раньше. Семь минут — это почти десять процентов времени.

Кирилл, сидевший напротив, рассмеялся и выхватил у брата карандаш. В один миг он превратил расчеты Максима в схематичный набросок бегущего человека, у которого вместо ног — вихрь.

— Макс, если ты будешь оптимизировать каждый шаг, жизнь превратится в таблицу Excel, — сказал Кирилл, подталкивая салфетку обратно. — Нужно оставлять место для случайности. Вдруг по пути через парк мы встретим кого-то важного? Или увидим красивый закат?

— Закат — это преломление солнечных лучей в слоях атмосферы, — парировал Максим, хотя в его глазах блеснула улыбка. — И встреча не перекроет опоздание на тренировку.

Они были неразлучны. Друзья привыкли к их бесконечным спорам, которые никогда не перерастали в ссору, а скорее напоминали партию в шахматы, где каждый ход — это попытка понять логику другого. После уроков они часто задерживались на крыльце школы, обсуждая планы на вечер.

Кирилл в такие моменты часто смотрел на небо, которое над школьным двором казалось каким-то особенно высоким.

— Знаешь, — тихо сказал он однажды, пока они ждали остальных, — мне иногда кажется, что всё, что мы здесь делаем — оценки, контрольные, обеды — это просто репетиция чего-то гораздо большего.

Максим поправил лямку рюкзака и скептически посмотрел на брата: — Репетиция жизни? Опять ты за своё. Жизнь — это и есть реальность, Кир. Здесь и сейчас. Нет никакой «прелюдии».

— Может быть, — согласился Кирилл, не отрывая взгляда от облаков. — Но мне приятнее думать, что мы здесь не одни. Что есть кто-то, кто следит за тем, как мы играем свои роли.

Они пошли к выходу со школьной территории, перебрасываясь шутками с друзьями. В этот момент Максим и Кирилл были просто двумя обычными подростками: один видел мир как четкую структуру, другой — как полотно, на котором еще предстояло написать картину.

Глава 3. Игра.

Задний двор их дома превратился в поле битвы. Старые садовые шланги стали канатами, ящики из-под овощей — бортом галеона, а высокая трава у забора — таинственными джунглями далекого острова.

Максим стоял, сдвинув набок пиратский платок, и сосредоточенно изучал план местности. Он начертил на песке карту, где каждый куст крыжовника был стратегической точкой, а садовая скамейка — неприступной крепостью, которую нужно взять до заката.

— Если мы нападем с фланга, через клумбу с ирисами, — Максим ткнул палкой в песок, — противник не успеет перегруппироваться. У них нет системы защиты, они просто разбросаны по участку.

Кирилл, прищурившись, смотрел на «крепость». На нем была самодельная повязка на глаз, а в руке — деревянная сабля, которую он собственноручно обмотал яркой лентой.

— Ты опять про стратегию, Макс! — Кирилл спрыгнул с ящика и зашагал к кустам. — Это не просто земля. Это остров забытых сокровищ. Здесь даже воздух другой. Чувствуешь? Он пахнет приключениями, а не твоими расчетами.

— Воздух пахнет озоном, — отрезал Максим, перепроверяя, крепко ли завязаны узлы на «борту» корабля. — Если мы не захватим скамейку сейчас, мы не успеем до ужина. Ты хочешь проиграть?

— Я хочу, чтобы было красиво! — Кирилл взмахнул саблей, описывая в воздухе дугу. — Пираты не считали время. Они искали легенды. Давай просто рванем вперед, с криком! Прямо в гущу событий.

Максим на секунду замер. Ему хотелось возразить, разложить всё по полочкам, объяснить, что без плана они потеряют преимущество. Но, взглянув на брата, он увидел в его глазах такой азарт, который не поддавался никаким формулам.

— Ладно, — выдохнул Максим. — Но если наткнемся на «засаду» — я предупреждал.

Они рванули через двор. Крики, топот ног, шорох листвы — на несколько часов задний двор перестал быть просто участком земли. Это был другой мир, где они были капитанами, первооткрывателями и завоевателями. Максим отвечал за то, чтобы «корабль» не развалился и «снабжение» было в порядке, а Кирилл придумывал историю их похода, превращая каждую находку — будь то необычный камень или жук — в артефакт, обладающий магической силой.

Когда солнце начало клониться к закату, они, запыхавшиеся и грязные, сидели на той самой захваченной скамейке.

— Мы победили? — спросил Максим, вытирая пот со лба.

Кирилл посмотрел на свои ладони, испачканные землей, потом на брата. — Мы сделали всё, что хотели. Это и есть победа.

Максим посмотрел на свои чертежи, начертанные на песке, которые уже почти стерлись от ветра. Он всегда искал смысл в результате, а Кирилл — в самом процессе игры. Они сидели плечом к плечу, два маленьких завоевателя, уверенные, что весь мир — это лишь большой задний двор, который можно захватить, если держаться вместе.

Глава 4. Занятия.

Путь домой после школы стал для братьев чем-то вроде переходного ритуала, где реальность школьных коридоров постепенно сменялась домашним уютом. Обычно они шли вместе, перебрасываясь фразами о прошедшем дне, но в последнее время эти беседы звучали так, будто их ведут два разных человека, пытающихся объяснить друг другу свои миры.

— Ты не представляешь, как сегодня было круто! — Кирилл шел чуть впереди, размахивая руками, словно рисовал в воздухе. — Мы рисовали с натуры, я выбрал старый дуб возле школы. Представляешь, я так всё почувствовал! Каждый изгиб ветки, каждую трещинку на коре… Когда я добавил тени, получилось, будто он живой. Учитель сказал, что я прочувствовал его душу. Душу дерева!

Он повернулся к Максиму, ожидая хоть какого-то отклика, но тот шел чуть позади, сцепив руки за спиной, и задумчиво смотрел себе под ноги.

— Ага, душу дерева, — пробормотал Максим, потом поднял взгляд. — А у меня сегодня было занятие по ментальной арифметике. Мы решали примеры до тысячи, мысленно. Без ручки, без бумаги. Я смог посчитать три суммы одновременно. В три раза быстрее, чем обычным способом. Представляешь? Это же как… как новый уровень понимания чисел.

Кирилл остановился. — Ментальная арифметика? Это когда ты просто… цифры в голове складываешь? И всё?

— Не «всё», — Максим немного оживился. — Это же тренировка мозга. Ты представляешь себе счеты, перебираешь костяшки, но не физически, а мысленно. Это же невероятно! Это как развить новый орган чувств, только для чисел.

— Звучит… скучно, — честно признался Кирилл, снова пускаясь в шаг. — А вот когда я рисовал этот дуб, я чувствовал, как будто сам становился им. Я ощущал его древность, его силу. Это другое.

— А я чувствовал, как мозг работает быстрее, — парировал Максим, нагоняя брата. — Это тоже сила, Кирилл. Только другого порядка. Сила логики, точности. Это фундамент, на котором всё стоит.

Они шли дальше, каждый погруженный в свой мир. Кирилл видел в линиях и тенях отражение души, которое можно передать только кистью. Максим видел в числах и алгоритмах структуру мира, которую можно постичь разумом. И оба были уверены в своей правоте.

Глава 5. Рисование.

Класс рисования всегда казался Кириллу островком тишины в шумном мире. Пока сверстники бегали по коридорам или корпели над уравнениями, здесь пахло терпким скипидаром, сухой пастелью и старой бумагой. В этом запахе Кирилл чувствовал что-то священное.

Сегодня они работали над натюрмортом. На столе лежала старая, видавшая виды скрипка и несколько пожелтевших нотных листов. Большинство ребят старались просто передать форму инструмента, но Кирилл видел не дерево и струны. Он видел эхо музыки, которая когда-то здесь звучала.

Его карандаш летал по листу, почти не оставляя следов — он искал движение. Кирилл то и дело прищуривался, ловя отражение света на лаке скрипки. Ему казалось, что если он уловит этот блик правильно, то сможет «услышать» звук.

— Кирилл, остановись, — раздался за спиной спокойный голос преподавателя, Виктора Петровича.

Кирилл вздрогнул и замер, боясь, что сделал что-то не так. Старый художник подошел ближе, долго вглядывался в набросок, а потом перевел взгляд на самого парня.

— Ты не просто срисовываешь предмет, — проговорил учитель, потирая подбородок. — Ты пытаешься нарисовать его тишину. Это редкий дар. Большинство моих учеников боятся пустоты на бумаге, а ты делаешь ее частью композиции.

Кирилл робко улыбнулся, вытирая испачканные пальцы о ветошь. — Мне кажется, самое главное — это то, что остается за границами рисунка, Виктор Петрович. Ну, как в вере… или в молитве. Когда ты чувствуешь нечто большее, чем просто предмет перед глазами.

Преподаватель внимательно посмотрел на него. В глазах Кирилла не было ни капли юношеского тщеславия — только тихая, почти взрослая сосредоточенность.

— У тебя огромный потенциал, Кирилл, — сказал он, положив руку парню на плечо. — Ты видишь мир не как систему фактов, а как систему смыслов. Это трудный путь, потому что такой взгляд приносит много боли и вопросов, на которые нет ответов в учебниках. Ты готов к этому?

Кирилл посмотрел на свой рисунок. Там, где должна была быть обычная скрипка, теперь проступал силуэт, наполненный светом и какой-то невысказанной печалью.

— Мне кажется, я уже давно на этом пути, — тихо ответил он.

В тот вечер, возвращаясь домой, Кирилл не замечал, как быстро бегут люди, как шумят машины. Он думал о том, что Максиму никогда не понять этого чувства — когда ты создаешь что-то, чего не существовало до тебя, и это «что-то» вдруг начинает говорить с тобой на своем, беззвучном языке. Он чувствовал, что между ним и братом растет какая-то невидимая стена, и эта мысль, впервые за день, отозвалась в груди холодком.

Глава 6. Арифметика.

Класс ментальной арифметики был полной противоположностью студии Кирилла. Здесь не пахло красками и тишиной — здесь витал запах чистого мела, строгого порядка и едва слышного стука костяшек абакуса.

Максим сидел за первой партой, его спина была прямой, как струна. Перед ним лежал японский абак — деревянная рама с рядами костяшек. В глазах Максима отражалась не мечтательность, а холодный, пронзительный блеск азарта.

— Пятьдесят семь, плюс тридцать четыре, минус двенадцать… — монотонно диктовал учитель, и голос его звучал как метроном.

Пальцы Максима двигались с невероятной скоростью. Клик-клак, клик-клак — костяшки метались по спицам, выстраивая числовые комбинации. В голове у него в этот момент не было ни образов, ни ощущений — только чистые, кристально ясные потоки данных. Он видел числа не как символы на бумаге, а как четкую архитектуру, которая выстраивалась в его сознании.

— Сто семьдесят девять, — выпалил Максим быстрее остальных.

Учитель кивнул, даже не глядя на него — он знал, что Максим не ошибется. — Отлично, Максим. Теперь усложним. Двузначные числа в быстром темпе.

Максим закрыл глаза. Теперь ему не нужен был абак. Он видел его внутри себя, как яркую голограмму. Костяшки в его воображении двигались сами собой, повинуясь его воле. В этот момент Максим чувствовал себя творцом вселенной, но вселенной, в которой нет места случайности. Только логика, только закономерность.

— Знаешь, Максим, — сказал учитель после занятия, когда класс опустел, — у тебя редкий дар. Большинство видит в математике способ посчитать сдачу в магазине. Ты же видишь в ней язык, на котором говорит сама природа.

Максим сдержанно кивнул, собирая учебники в стопку. Его лицо не выражало восторга, но внутри он чувствовал странный подъем. Наука давала ему то, чего не могли дать разговоры о «душе» или чувствах — она давала предсказуемость. Если ты знаешь алгоритм, ты контролируешь результат.

Выходя из школы, он увидел Кирилла, который ждал его у ворот. Брат смотрел на закатное небо с тем своим вечно восторженным видом, который Максима теперь слегка раздражал.

«Он тратит время на то, что нельзя измерить, — подумал Максим, глядя на брата. — А я строю систему, которую невозможно опровергнуть».

Он подошел к Кириллу, чувствуя груз своих новых знаний — груз, который делал его сильнее, но при этом с каждым днем делал его всё более одиноким в своем стремлении к абсолютной истине.

Глава 7. Теплый ужин.

Вечер на кухне Линевых был моментом, когда мир вокруг замирал. За большим деревянным столом пахло запеченным картофелем и свежим хлебом — простыми вещами, которые не требовали ни интерпретаций, ни формул.

Мама разливала чай, а отец, как обычно, с интересом прислушивался к новостям сыновей. В такие минуты Максим и Кирилл снова казались обычными близнецами, но стоило зайти разговору об их увлечениях, как в воздухе начинало искрить.

— У меня сегодня была большая победа, — Максим отложил вилку, его глаза привычно блеснули серьезностью. — Я прошел уровень «сложной абстракции» на курсах. Преподаватель сказал, что с такой базой мне прямая дорога на прикладную математику в ВУЗ. Это не просто цифры, пап, это фундамент всего современного мира.

Отец одобрительно кивнул: — Горжусь тобой, сын. Порядок в голове — это порядок в жизни. Это надежно.

Кирилл, до этого момента тихо ковырявший салат, не удержался: — Но математика — это только описание мира, Макс. А рисование… оно дает возможность почувствовать, что за этим описанием скрыто. У меня сегодня была критика работ, и Виктор Петрович сказал, что я начал «слышать» форму.

— «Слышать форму»? — Максим усмехнулся, пожалуй, чуть резче, чем следовало. — Кир, звуковые волны — это физика, а форма — это геометрия. Ничего мистического в этом нет.

Мама мягко прервала их, положив руку на плечо Кирилла: — Каждый из вас ищет свой язык общения с миром. Один — через структуру, другой — через красоту. И оба эти пути ценны для нашей семьи.

За столом наступила короткая пауза. Максим чувствовал гордость за свои успехи, но его немного задевало, что родители относятся к «абстракциям» Кирилла с таким же трепетом, как и к его четким доказательствам. Он видел мир как систему, где есть правильные и неправильные ответы, а Кирилл предлагал ему бесконечный лабиринт интерпретаций.

— Я просто хочу сказать, — добавил Кирилл уже тише, — что не всё можно измерить линейкой, даже если она золотая.

— А я не хочу, чтобы ты заблудился в своих «смыслах», — ответил Максим, глядя брату прямо в глаза.

Отец рассмеялся, пытаясь разрядить обстановку, и разлил всем еще по чашке чая. — Вот закончите школу, поступите в институты — вот тогда и посмотрим, чья правда окажется ближе к реальности. А пока — ешьте, пока не остыло.

Братья переглянулись. В этой кухне, полной тепла и родительской любви, они все еще были рядом, но невидимый водораздел уже пролегал между их тарелками. Каждый из них верил, что именно его путь — единственный способ по-настоящему понять устройство этой жизни.

Глава 8. 9 классов.

Девятый класс закончился суматохой, ароматом летних цветов и странным чувством облегчения. Экзамены, которые пугали их весь год, остались позади, превратившись в сухие цифры в аттестатах. Максим и Кирилл справились блестяще: Максим — с высшими баллами по математике и физике, Кирилл — с отличными результатами по истории и гуманитарным предметам.

Выпускной они отметили шумно. Весь класс собрался в школьном дворе, кто-то принес гитару, кто-то — запас газировки и пиццы. Максим, обычно сдержанный, в этот вечер позволил себе расслабиться. Он стоял в кругу друзей, обсуждая планы на будущее, и чувствовал себя победителем. Он знал, что делает: впереди был 10-й инженерный класс, усиленная подготовка к олимпиадам, технический университет. Его путь был вычерчен четкими линиями, как чертеж идеального моста.

Кирилл в это время сидел на краю бетонной клумбы, рисуя в блокноте карикатуры на учителей. Он выглядел умиротворенным. Для него этот вечер был завершением одной главы и началом чего-то совершенно иного.

— Ты правда идешь в колледж? — Максим подошел к брату, сжимая в руке стаканчик с колой. — Мы же могли вместе доучиться. В 10-м классе будет самая сильная физика в городе.

Кирилл поднял взгляд, и в его глазах, привыкших искать красоту, читалась твердость. — Физика — это круто, Макс. Но мне она не нужна, чтобы рисовать. А в колледже дают именно то, что мне нужно сейчас: базу, технику, свободу. Я не хочу тратить еще два года на зубрежку формул, которые мне не пригодятся.

— Это не зубрежка, это развитие мышления, — возразил Максим, хотя голос его дрогнул. — Мы всегда всё делали вместе. Как ты будешь там один?

— Я не буду один, — Кирилл улыбнулся и хлопнул брата по плечу. — Я буду с красками, с холстами. И ты будешь рядом, в своих лабораториях. Мы просто перестанем видеть друг друга по восемь часов в день в школьных коридорах. Но это ведь не значит, что мы перестанем быть братьями?

Максим промолчал. Он смотрел на брата и видел не того маленького мальчика, с которым они строили «пиратские корабли» на заднем дворе, а человека, который решительно выбирает свой путь — даже если этот путь лежит в сторону от протоптанной дорожки.

На следующий день после выпускного реальность начала обретать форму. Максим сдал документы в инженерный класс. Он уже представлял себя в халате — как те инженеры из фильмов, что склоняются над приборами, — в мире, где царит абсолютная логика. Кирилл же подал документы в художественный колледж. Он больше не хотел быть частью системы «универсального класса».

Разрыв произошел почти безболезненно, как будто кто-то аккуратно разрезал ножницами одну большую нить на две части.

Вечером они сидели в своей комнате. Максим раскладывал по полкам новые учебники по математике, а Кирилл складывал в сумку кисти и подрамники. В комнате впервые за много лет повисла тишина, которую не хотелось нарушать разговорами. Максим чувствовал, как его привычный мир — мир, где он всегда мог опереться на брата — начинает меняться.

— Знаешь, — нарушил молчание Максим, не оборачиваясь, — в инженерном классе будет сложно. Если что… я могу помочь тебе с геометрией, если понадобится что-то начертить.

Кирилл тихо рассмеялся, упаковывая свои краски: — А я, если тебе будет слишком скучно среди своих формул, научу тебя видеть, почему синий цвет кажется холодным, а желтый — горячим.

Они оба понимали: это конец их «общего детства». С завтрашнего дня их интересы, их графики и их мысли потекут в разных руслах. Они еще не знали, что эта дорога поведет их в совершенно разные стороны — одного к вершинам науки, другого — к вершинам, где облака касаются земли, и где их судьбы, однажды, пересекутся в самый неожиданный момент.

Глава 9. Начало инженера.

Инженерный класс встретил Максима холодной, но притягательной аурой. Здесь царил порядок, где каждая задача имела решение, а каждое решение — четкую логику. Воздух был пропитан запахом типографской краски новых учебников, едва уловимым ароматом клея для чертежей и какой-то особой, «рабочей» тишиной, которая нарушалась лишь сосредоточенным шелестом страниц и щелчками клавиатур.

Максим, казалось, обрел свою стихию. Его природная тяга к структуре и точности здесь была не просто приветствуемой, а необходимой. Физика перестала быть школьным предметом — это был ключ к пониманию устройства мира. Математика — не набор формул, а язык, на котором это устройство написано. Информатика — не набор программ, а инструмент для моделирования реальности.

Он с головой ушел в учебу. Уроки превратились в увлекательные исследования. На занятиях по механике они собирали и разбирали сложные механизмы, где каждое зубчатое колесо имело свое строгое назначение. На уроках по термодинамике Максим погружался в мир тепловых процессов, представляя себя исследователем, постигающим самые фундаментальные законы Вселенной. Информатика открыла перед ним безграничные возможности моделирования: он мог создавать виртуальные миры, просчитывать траектории полета, оптимизировать процессы.

Его дни стали выстраиваться по четкому расписанию. Утром — уроки, после обеда — дополнительные занятия, факультативы, подготовка к олимпиадам. По вечерам, когда братья раньше вместе играли или обсуждали всё подряд, Максим теперь сидел за своим столом, склонившись над книгами, или у компьютера, погруженный в строки кода.

Его прежние друзья из общего класса по-прежнему звали его на прогулки, но Максим всё чаще отказывался. Он больше не чувствовал себя частью той беззаботной компании. Ему было неинтересно обсуждать школьные сплетни или последние модные тренды. Его мир стал шире, сложнее и гораздо более захватывающим — мир, где каждое открытие приближало его к пониманию глобальных механизмов.

Кирилл, хоть и был теперь в другом учебном заведении, всё ещё пытался поддерживать связь. Иногда он заходил к Максиму в комнату, надеясь, что брат выкроит время.

— Макс, привет! — звонко говорил он, заглядывая в комнату, где Максим сидел, окруженный стопками книг. — Я сегодня закончил тот портрет. Там столько оттенков серого, что я чувствовал себя настоящим алхимиком. А ты как?

Максим поднимал взгляд от экрана компьютера, его глаза были немного уставшими, но в них светилась искра знания. — Алхимия — это наука, которая предшествовала химии. Она искала превращение неблагородных металлов в золото, используя…

— Макс, я не про алхимию, я про цвет! — перебивал Кирилл, но в его голосе не было раздражения, только легкая грусть. — Я про то, как ты чувствуешь, когда у тебя что-то получается.

— Я чувствую удовлетворение, когда решена сложная задача, — спокойно отвечал Максим. — Когда я понимаю, как это работает. Вот, например, я сегодня разработал алгоритм для ускорения поиска в базах данных. Он сократит время обработки в три раза. Это реальный результат.

Кирилл смотрел на брата, на его горящие глаза, и понимал, что они говорят на разных языках. Его мир был наполнен оттенками, настроениями, недосказанностью. Мир Максима — четкими ответами, логикой и измеримыми результатами.

— Хорошо, — сказал Кирилл, чувствуя, как между ними вырастает невидимая, но ощутимая стена. — Тогда до скорого. Если тебе понадобится что-то, что нельзя измерить… ты знаешь, где меня искать.

Максим кивнул, уже снова погруженный в строки кода.

— Да. Увидимся.

Кирилл уходил, оставляя брата наедине с его новой вселенной, где царили цифры, формулы и бесконечные возможности алгоритмов. Он чувствовал, как брат отдаляется, но в то же время понимал — это не его вина. Это просто два разных пути, которые расходятся всё сильнее, унося каждого в свой, неповторимый мир.

Глава 10. Творчество.

В стенах художественного колледжа время текло иначе. Здесь не было графиков и жестких дедлайнов — здесь была бесконечная работа над «формой» и «духом». Кирилл преобразился. Студенческая жизнь поглотила его: он проводил часы в библиотеках, изучая не только технику рисования, но и историю искусств, биографии великих мастеров и философию, которая за этим стояла.

Кирилл экспериментировал. Он не хотел замыкаться в одном стиле. Его холсты менялись: то это были резкие, полные экспрессии мазки, отражающие внутреннее беспокойство, то мягкие, почти призрачные акварели, передающие ускользающее состояние природы. Он искал тот самый «язык», на котором можно было выразить невыразимое.

Именно в это время в его жизни появилась религия. Сначала это было просто академическое любопытство — он начал изучать иконопись, восхищаясь тем, как художники прошлого умели «зажечь» свет внутри плоского изображения. Но вскоре это переросло в нечто большее. Он начал посещать старые храмы, наблюдать за игрой света на золотых окладах, слушать хоровое пение, которое, казалось, вибрировало в самой структуре пространства.

Религия для Кирилла стала ключом к глубине. Он видел в ней архитектуру человеческого духа, похожую на те самые чертежи, о которых всегда говорил Максим, но только в другом измерении.

— Ты видел, как свет падает в соборе в пять часов вечера? — спрашивал Кирилл, когда им с Максимом всё же удавалось пересечься дома. — Это не просто физика. В этом есть… предчувствие вечности.

Максим, едва оторвавшись от монитора, на котором пульсировали графики нагрузки процессора, лишь устало улыбался: — Это называется дифракция и рассеивание света через витражи. Красиво, спору нет, но называть это «предчувствием вечности» — значит пытаться наделить физическое явление смыслом, которого там нет.

Кирилл лишь качал головой. Он понимал, что брат видит поверхность, но не чувствует глубины. Его собственные картины становились всё более символичными. Он начал изображать то, что не видел никто другой: свет, льющийся из ниоткуда, тени, хранящие память о людях, ангельские крылья, скрытые в складках обычной одежды.

Их общение теперь сводилось к коротким обменам фразами в коридоре или на кухне. Кирилл чувствовал, что его внутренний мир расширяется до размеров космоса, но делиться этим становилось всё труднее. Максим был слишком занят «покорением логики», а Кирилл уходил в «постижение духа».

Они жили в одном доме, ели за одним столом, но с каждым днем всё больше походили на пассажиров двух разных поездов, идущих в противоположных направлениях. Кирилл видел, как брат становится жестче, как его ум — острый и холодный — отсекает всё, что нельзя измерить. Это пугало Кирилла. Ему хотелось крикнуть, что мир не заканчивается на формулах, но он видел в глазах брата лишь вежливое непонимание.

Они стали двумя планетами, которые когда-то вращались вокруг одного центра — их общего детства, — а теперь каждая начала свой путь по собственной, далекой орбите. Иногда, когда Кирилл писал свои картины глубокой ночью, он ловил себя на мысли, что рисует не просто сюжеты, а молитвы. И где-то в глубине души он верил, что однажды, когда наступит время, он сможет донести это до брата. Если только логика Максима не вытеснит окончательно всё, что не поддается вычислениям.

Глава 11. Медитация.

В комнате Кирилла воздух стал густым и пряным. Запах сандала и мирры, стелющийся тонкими синими струйками, казалось, менял саму плотность пространства. Кирилл выключил верхний свет, оставив лишь дрожащие язычки десятков свечей, расставленных на полках, подоконниках и даже на полу, вокруг его коврика.

Для него это было не баловство и не дань моде. Это была попытка создать «вакуум» — место, свободное от шума внешнего мира, от оценок учителей, от ожиданий родителей и, что было сложнее всего, от вечно скептического взгляда Максима.

Кирилл сел в позу лотоса, закрыл глаза и сосредоточился на своем дыхании. Его целью было не просто расслабиться. Он хотел «разобрать» себя, как Максим разбирал механизмы, но не на шестеренки и рычаги, а на слои сознания. Он искал ту самую искру — душу, о которой говорили в храмах и писали в древних трактатах.

Вдох. Выдох.

Сначала в голове роились мысли: как доделать набросок к завтрашнему утру, какие краски купить, почему вчерашний разговор с братом оставил такой горький осадок. Но постепенно этот гул начал стихать. Кирилл представлял, как он проходит сквозь слои своей личности, словно сквозь прозрачные ткани. Он стремился туда, где не было слов, где не было физики, где не было даже его самого, а оставалось лишь чистое присутствие.

В какой-то момент ему показалось, что он видит свет — не тот, что от свечей, а холодный, пронзительно ясный свет, исходящий из его собственной груди. Это было странное, пугающее и одновременно манящее ощущение. Казалось, границы его тела размываются, и он становится частью того самого «невидимого», о котором мечтал.

Дверь в комнату тихо приоткрылась. Максим, с учебником в руках, застыл на пороге, пораженный увиденным. Он окинул взглядом комнату, похожую на алтарь, учуял тяжелый запах благовоний и поморщился.

— Ты что, устроил здесь сектантское собрание? — голос Максима прозвучал резко, разбивая хрупкую тишину.

Кирилл открыл глаза. Свет свечей отражался в его зрачках, делая их какими-то неестественно глубокими. Он не злился, он смотрел на брата с какой-то отстраненной печалью.

— Я просто ищу себя, Макс. Я хочу понять, кто я такой на самом деле. Не набор биологических функций, а нечто большее.

— Ты ищешь пустоту, — отрезал Максим, переступая через порог и подходя к столу Кирилла. — Ты сидишь здесь, вдыхаешь дым и пытаешься убедить себя в существовании «души». А биология — это не «функции», это сложнейшая система, которая делает тебя тем, кто ты есть. Нейроны, синапсы, гормоны… Вот это — реальность. А это, — он пренебрежительно кивнул на свечи, — просто самообман.

— Ты называешь это самообманом, потому что боишься того, что нельзя измерить, — тихо ответил Кирилл, не двигаясь с места. — Ты строишь свою жизнь на доказательствах, но что, если фундамент этой жизни — сама жизнь — не является доказательством? Что, если ты строишь свой мост из крепких материалов, но забываешь, что он висит над пропастью, которую ты просто отказываешься замечать?

Максим замолчал. В его глазах отразилось пламя свечи — маленькое, дрожащее, беспомощное. Ему хотелось возразить, разнести теорию брата в пух и прах, привести доводы из биологии и философии материализма, но слова застряли в горле. В этой комнате, полной теней и запаха благовоний, его логика казалась вдруг какой-то плоской, сухой и чужой.

— Это небезопасно, — наконец сказал Максим, развернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Кирилл снова закрыл глаза. Он знал, что брат ушел не потому, что был неправ. Он ушел, потому что испугался той тишины, в которой вдруг пришлось оказаться.

Глава 12. Вклад.

Комната Максима за долгие месяцы превратилась из спальни в подобие научной библиотеки. Стопки книг, исписанные конспекты, научные журналы — все это громоздилось на полках, на столе, даже на полу. Воздух здесь был пропитан запахом бумаги, чернил и едва уловимым, но знакомым Максиму, ароматом типографской краски.

Он не просто читал. Он впитывал. Книги Ньютона, Эйнштейна, Тесла, Фейнмана — каждое имя было для него ступенькой, ведущей к неизведанным высотам. Он изучал работы профессоров, чьи имена гремели на весь мир, сравнивал теории, искал пробелы, пытался понять, где кроются еще не открытые законы.

Его цель давно перестала быть просто получением хороших оценок или поступлением в престижный ВУЗ. Максим загорелся желанием оставить свой след. Он хотел внести свой собственный вклад в сокровищницу науки. Он видел себя не просто учеником, а исследователем, открывателем.

Он мог часами сидеть за компьютером, моделируя сложные процессы, просчитывая траектории, создавая прототипы. Его пальцы быстро бегали по клавиатуре, превращая строки кода в рабочие программы. Он был одержим идеей оптимизации, совершенствования, поиска более эффективных решений.

Иногда, в моменты полного погружения, он забывал о еде, о сне, о мире за пределами этой комнаты. Его мозг работал на пределе, обрабатывая гигантские массивы информации, выстраивая сложные логические цепочки, рождая новые идеи. Он чувствовал, как будто открывает двери в новые измерения, где царят невидимые силы, управляющие Вселенной.

Когда Кирилл заходил к нему, чтобы ненадолго вырвать из этой орбиты, он видел Максима, будто погруженного в транс. Брат, который раньше всегда был готов к диалогу, теперь мог ответить лишь коротким, рассеянным «да» или «нет», его взгляд был устремлен куда-то вдаль, за пределы стен комнаты.

— Макс, ты уже месяц не выходил из этой комнаты. Тебе нужно проветриться, — тихо говорил Кирилл, осторожно ставя на стол чашку чая.

Максим поднимал голову, его глаза были красными от недосыпа, но в них горел огонь. — Я на пороге открытия, Кир. Я думаю, я нашел способ оптимизировать один из алгоритмов квантовых вычислений. Это может… это может изменить всё.

— Изменить всё? — Кирилл с грустью смотрел на брата. — А что это изменит для тебя? Для нас?

Максим смотрел на него секунду, будто пытаясь понять, что такое «для нас». — Это изменит науку, — ответил он, и в этом ответе была вся его суть. — Это и есть моя цель.

Кирилл уходил, чувствуя, как между ними зияет пропасть. Он видел страсть Максима, его одержимость, его стремление к величию. Но он также видел, что этот путь, который так завораживал брата, делал его всё более далеким от всего, что раньше их объединяло. Он строил свой мир из цифр и формул, а Кирилл — из красок, чувств и невидимых смыслов. И оба, казалось, были так увлечены своими творениями, что переставали замечать друг друга.

Глава 13. Души.

Вечер выдался тихим. За окном монотонно барабанил осенний дождь, превращая огни фонарей в расплывчатые желтые пятна. В гостиной было полутемно: горела только одна лампа в углу, бросая длинные, искаженные тени на стены.

Кирилл сидел в кресле, поджав под себя ноги. Он держал в руках книгу по метафизике, но не читал её — взгляд был прикован к пламени в камине. Максим сидел напротив, на диване, окруженный планшетами и распечатками с графиками. Он сосредоточенно что-то вычеркивал в записях, постукивая ручкой по столу в ритме, который раздражал Кирилла.

— Макс, — тихо позвал Кирилл. Его голос прозвучал неестественно чисто в густой тишине комнаты. — Ты когда-нибудь задумывался, почему мы вообще здесь? Я имею в виду… не как биологический вид.

Максим даже не поднял головы. — Эволюция, адаптация, случайная комбинация генов. Ты читал об этом в учебнике биологии, Кир. Вопрос закрыт еще в восьмом классе.

Кирилл грустно улыбнулся и медленно отложил книгу. — Нет, я не об этом. Я о том, что чувствуется внутри. Ты ведь не просто машина, которая перерабатывает пищу в энергию, а информацию — в выводы. Я начал много думать об этом в последнее время. Мы — не люди, которые проживают жизнь. Мы — души, которые пришли на эту Землю, чтобы получить опыт. Мы здесь как странники. Тела — это просто… как одежда или инструменты, которые нам выдали на время.

Максим замер. Ручка в его руке перестала стучать. Он медленно поднял взгляд на брата. В его глазах читалось не раздражение, а что-то похожее на жалость.

— Души? — переспросил он, и в его голосе проскользнула холодная, почти хирургическая точность. — Ты сейчас серьезно? Кирилл, это красивая сказка для тех, кто боится конечности собственного сознания. Страх смерти порождает эти идеи. Мы — нейронная сеть. Когда нейроны перестают передавать импульсы, «ты» просто исчезаешь. Нет никакой «искры», нет никакого «путешествия души». Есть только работа мозга, которая прекращается вместе с остановкой сердца.

Кирилл подался вперед. Его лицо в свете камина казалось одухотворенным и бледным. — А как же любовь? Как же творчество, которое заставляет сердце биться чаще, чем любой дофаминовый всплеск? Как ты объяснишь ту связь, которая была между нами, когда мы были детьми? Неужели это была просто химия? Неужели всё, что мы чувствовали, — лишь результат хаотичного столкновения частиц? Если так, то почему это кажется таким… священным?

Кирилл замолчал, ожидая ответа. Он смотрел на брата, надеясь увидеть хоть тень сомнения в его рациональном мире.

Максим молчал. Он сидел совершенно неподвижно. В его голове, как на мощном процессоре, проносились тысячи аргументов: законы термодинамики, квантовая механика, нейробиология, эволюционная психология. Он мог бы разбить философию Кирилла в пух и прах, доказать несостоятельность каждого его тезиса, разложить всю его «духовность» на составляющие молекулы.

Он открыл рот, чтобы произнести жесткое, аргументированное «нет». Но вдруг осекся. В этой полумрачной гостиной, под звуки дождя, он вдруг отчетливо понял: его аргументы не имеют значения. Кирилл не искал логического подтверждения. Кирилл искал тепла, искал смысла, который лежал за пределами его формул.

Максим посмотрел на свои графики, которые еще минуту назад казались ему истиной в последней инстанции, и они вдруг показались ему плоскими и бессмысленными. Он посмотрел на брата — на того самого человека, с которым они когда-то строили мосты из веток.

Он не ответил. Максим просто продолжал сидеть, не произнося ни слова, глядя в пустоту перед собой. Он не мог согласиться, но и причинить брату боль окончательным, холодным отрицанием сейчас не было сил.

Эта тишина стала для Кирилла ответом. Она была тяжелой, непроницаемой стеной. Кирилл понял: брат слышит его слова, но для них больше нет общего пространства, где эти слова могли бы обрести смысл.

Максим снова опустил взгляд на свои бумаги, но ручка больше не писала. Он просто смотрел на цифры, в то время как Кирилл продолжал смотреть на огонь, чувствуя, как расстояние между ними увеличивается до размеров целой вселенной.

Глава 14. Графика углем.

Вечер в мастерской Кирилла превратился в подобие ритуала. Это было не просто рисование — это было создание мира из пепла и теней. Комната, уже привычно наполненная запахом благовоний, теперь издавала и новый, терпкий аромат древесного угля.

На столе стояла небольшая деревянная дощечка, покрытая следами давних прикосновений. Кирилл осторожно поджигал края дощечки, наблюдая, как пламя медленно пожирает дерево. Он делал это с некой священной сосредоточенностью, будто провожал в последний путь старый кусок реальности. Когда дощечка тлела, оставляя после себя лишь обугленную древесину, Кирилл аккуратно растирал уголь пальцами, превращая его в черную, бархатистую пыль.

Эта пыль — его новая краска.

Он взял большой лист плотной бумаги, и начал рисовать. Не кистью, не карандашом, а пальцами. Он растирал уголь, создавая мягкие переходы от глубокого черного к нежному серому. Его линии были плавными, дышащими, словно сама тень обретала форму.

То, что он рисовал, было не просто иллюстрацией. Это были истории. Истории, которые не рождались из логики или научных наблюдений, а из глубины его существа. Он рисовал фигуры, которые казались одновременно знакомыми и загадочными. Это могли быть изломанные силуэты людей, чьи тени тянулись к невидимому свету, или пейзажи, где деревья казались сплетенными из скорби, а небо — из невысказанных обещаний.

— Это… ангел, — говорил Кирилл, проводя пальцем по следу, который становился крылом. — Его не видно, он соткан из того, что остаётся после того, как мы перестаем надеяться. Его функция — собирать оставшиеся искры света, чтобы освещать путь тем, кто заблудился во тьме.

Он говорил это тихо, почти шепотом, как будто делился тайной. Его пальцы двигались, создавая новую историю. Он рисовал силуэт человека, склонившегося над чем-то невидимым.

— А это — тот, кто пытается понять, что такое душа. Он ищет её в научных трактатах, в расчетах, в формулах. Он думает, что может измерить её, взвесить, понять её структуру. Он такой умный, такой сильный, но… он не может её почувствовать.

Он смотрел на брата, если таков был случай, что Максим оказывался рядом. Смотрел, как брат молча сидит, окруженный своими книгами и графиками, и пытается найти в угольной графике что-то, что можно было бы «понять» по-своему.

— А иногда, — голос Кирилла становился еще тише, — иногда я рисую его. Того, кто приходит за нами. Не как палача, а как… проводника. Он не отнимает жизнь. Он просто помогает перейти. Он приходит, когда задача выполнена. И он видит всё. Он видит, кем мы были, кем могли бы быть, и кем стали.

Максим, оказавшись в этот момент в гостиной, смотрел на брата, на его угольную пыль, на эти странные, но завораживающие образы. Впервые он видел в картинах Кирилла не просто художественное выражение, а нечто большее. Он видел в них отголоски тех разговоров, которые они вели. Он видел в них странную, пугающую правду.

Кирилл, не ожидая реакции, продолжал свое повествование. Его пальцы были испачканы углем, глаза горели странным огнем. Казалось, он говорил не сам с собой, а с чем-то, что было гораздо больше, чем он сам.

— И иногда, — завершил он, создавая последний, едва заметный штрих, — когда я рисую, мне кажется, будто я сам становлюсь частью этих историй. Будто рука моя — уже не совсем моя: я лишь держу уголь, а ведёт им кто-то ещё. Так рисуют не только на бумаге — так пишут в самих душах.

Тишина, которая повисла после этих слов, была наполнена чем-то необъяснимым. Кирилл смотрел на свой рисунок, чувствуя, что через этот уголь он касается чего-то настоящего, вечного. А Максим, стоявший в тени, чувствовал, как его мир, построенный на стройной логике, начинает давать трещины под натиском чего-то, чего он не мог ни измерить, ни понять.

Глава 15. Изучать.

Комната Максима давно перестала быть спальней — теперь это был штаб. Комната времён «вклада» с ее аккуратными стопками книг показалась бы гостиной: с тех пор бумаги наступали по всем фронтам. Распечатки статей слоями лежали поверх конспектов, конспекты — поверх учебников, а там, где еще месяц назад стояла кровать, теперь возвышался второй стол, заваленный черновиками. Спал он по три-четыре часа, ел не отрываясь от экрана, и единственным его собеседником оставался собственный разум — идеи, которые роились в нём, требовали выхода.

Самое странное, что новых знаний ему теперь не хватало почти никогда. Тома, которые год назад приходилось штудировать, теперь он просматривал как знакомую дорогу: вот развилка, где он уже был, вот тупик, о который спотыкались все. Квантовая физика, теория относительности, машинное обучение — всё это давно перестало быть открытиями и превратилось в инструмент. Тетради заканчивались с пугающей скоростью, но заполнялись они уже не чужими мыслями, а его собственными — формулами, которых нигде не было написано до него. И тем не менее чего-то в них не хватало. Он стоял на границе известного, а граница, как ни наступай на нее, не двигалась с места.

Он чувствовал, что находится на пороге чего-то великого. Как будто держал в руках ключ, который мог бы открыть дверь в новую реальность. Его мозг работал с такой скоростью, что иногда казалось, будто он видит мир не в трех измерениях, а в каком-то другом, более сложном пространстве.

Его цель тоже выросла из тех первых месяцев, когда он мечтал «внести свой вклад». Вклад — это кирпич в чужое здание; Максиму же всё чаще хотелось не добавлять в чье-то, а построить своё. Не статью в копилку науки, а вещь: алгоритм, систему, инструмент — что-то, что войдет в чужие жизни незаметно и останется там навсегда, как когда-то вошли в его жизнь книги с чердака.

Иногда, в редкие минуты отдыха, он вспоминал разговор с Кириллом. Слова брата о «душах» он по-прежнему считал наивными — и всё же воспоминание возвращалось снова и снова, как будто разговор оставил что-то недосказанным. Смешного в этом не было ничего. В тот вечер, когда Кирилл замолчал и стал ждать ответа, Максим не вымолвил ни слова — и до сих пор помнил собственную растерянность, редкое, почти пугающее чувство для того, кто всегда знал ответ. «Просто застал врасплох, — говорил он себе. — Устал, вот и растерялся». Он пытался найти рациональное зерно в этой «мистике», объяснить её через законы физики или нейробиологии. Но всё было тщетно.

— Это не душа, Кир, — мысленно отвечал он брату, когда вновь погружался в работу. — Это сложная нейронная активность, вызванная стрессом и стремлением к познанию. Больше ничего.

Он был одержим. Его мир сузился до рамок его исследований. Друзья, которых он когда-то считал близкими, стали далекими. Разговоры с ними казались ему бессмысленными, поверхностными. Он больше не мог говорить о пустяках, когда перед ним лежали тайны Вселенной.

Однажды, сидя за столом, заполняя очередную тетрадь, он вдруг остановился. Перед ним была сложная схема, которую он пытался построить. Она не работала. Что-то было не так. Он перебрал все известные ему законы, все возможные комбинации, но решение ускользало.

И тут, как молния, его осенило. Идея, которая пришла к нему, была настолько нетрадиционной, настолько выходящей за рамки привычной логики, что он сначала отбросил её. Но она навязчиво возвращалась.

— А что, если… — прошептал он, глядя на схему. — Что, если…

Он начал записывать. Ручка с бешеной скоростью скользила по бумаге. Он чувствовал, как будто открывает новую дверь, куда раньше никто не заглядывал. Это было страшно и волнующе одновременно. Это было его. Это был его вклад.

Он еще не знал, что получится в итоге. Но он знал одно — он идет по пути, который ведет к истине. И эта истина, как он верил, была не в мистических откровениях, а в строгих, неопровержимых законах науки.

Глава 16. Бакалавриат.

Последний звонок прозвенел, оставив после себя лишь эхо и сладкую горечь прощания. Максим стоял в школьном дворе, наблюдая, как его одноклассники, такие же выпускники инженерного класса, обнимаются, смеются, обмениваются телефонами. Для них это был конец одной истории и начало другой, полной неизвестности и надежд.

Для Максима это был лишь очередной этап. Экзамены он сдал так же блестяще, как и всегда. Результаты были превосходны, и это открывало перед ним двери в лучшие технические университеты страны. Он без колебаний подал заявление в один из самых престижных — тот, что славился своей кафедрой прикладной математики, родиной многих выдающихся ученых.

Процесс поступления прошел гладко. Его достижения, олимпиады, рекомендации — всё это работало на него. Когда пришло долгожданное письмо, Максим не испытал бурного восторга, который, возможно, испытали бы другие. Скорее, это было чувство удовлетворения. Еще одна задача решена. Еще одна ступенька преодолена.

Впереди простирался университет — целый новый мир. Мир, где математика была языком, физика — законами, а информатика — инструментом творения. Мир, где он мог погрузиться в исследования еще глубже, где мог найти себе равных, где мог, наконец, начать вносить свой собственный, значимый вклад.

Он смотрел на массивное здание университета, на колонны, на высокие окна, и чувствовал, как внутри него растет нечто большее, чем просто научный интерес. Это было предвкушение открытия. Он ощущал себя исследователем, готовым отправиться в неизведанные земли, где его ждут тайны, которые еще предстоит раскрыть.

В его голове уже выстраивались первые гипотезы, первые идеи для будущих проектов. Он предвкушал часы, проведенные за чтением научных статей, за работой в лаборатории, за решением сложных задач. Он был готов к трудностям, к бессонным ночам, к разочарованиям. Потому что знал: за каждой такой трудностью стоит новое знание, новый шаг к его цели.

Когда он вернулся домой, чтобы сообщить родителям о своем поступлении, он увидел Кирилла. Брат сидел в гостиной, держа в руках книгу по истории искусств, и смотрел на репродукцию картины какого-то старого мастера. В его глазах читалось спокойствие, которое Максим давно забыл.

— Ну что, поступил? — спросил Кирилл, даже не отрываясь от книги.

— Да, — коротко ответил Максим. — Бакалавриат. Прикладная математика.

Кирилл кивнул, его губы слегка тронула легкая улыбка. — Отлично. Значит, ты станешь настоящим ученым.

— Я уже им становлюсь, — поправил Максим, его голос звучал уверенно.

Он смотрел на брата, и чувствовал, как между ними растет пропасть. Кирилл жил в мире образов, чувств и историй, которые невозможно измерить. Максим же строил свой мир из четких правил, точных расчетов и неопровержимых доказательств. Они были как две параллельные прямые, которые когда-то шли рядом, а теперь, с каждым новым шагом, расходились всё дальше.

Но Максим не думал об этом. Его мысли уже были там, в университетских аудиториях, в лабораториях, в мире, где наука была его единственным языком, его единственной страстью. Он чувствовал, что это только начало его пути, и впереди его ждет большая, захватывающая неизвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.